В Берке царила атмосфера, далекая от праздничной. Все радовались, что Иккинг Бесполезный, как его теперь называли, ушел, увлекши за собой Потрошителя, предателя, бросившего вызов всему, что было дорого племени. Ярость и недоумение бушевали во мне, когда я увидел Иккинга рядом с этим чудовищем. Немедленно, я отправился к Стоику, чтобы предупредить его о предательстве сына. Драконы – наши вечные враги, и с этим мы смирились. Но Иккинг… он был другим. Он думал, что может перевернуть наши умы, заставить нас отринуть прошлое, забыть о сотнях жизней, унесенных в борьбе с этими тварями. — Ты когда-нибудь слышал, как он плакал от боли в сердце? Ты когда-нибудь слышал, как он хотел умереть! — кричала я, сдерживая набегающие слезы.Рассказ Потрошителя о том, как Иккинг страдал от людской жестокости, пробудил во мне жалость, чувство, которое я считала чуждым себе.— Что?! Нет, Астрид… ты никого не жалеешь… особенно этого прутика. Я рада, что он ушел, — убеждала я себя, оглядываясь на радостные лица жителей Берка. Взрывов, криков, ошибок больше не было. Все стало лучше, за исключением вождя. Стоик был сломлен. Вина за предательство сына съедала его изнутри. Он мучился, что не увидел вовремя тревожные знаки, что не сумел воспитать в Иккинге истинного викинга. — Он мог бы стать викингом, Оден знает, сколько времени это заняло бы, но… в конце концов, он мог бы стать викингом, — бормотал он себе под нос, избегая общения. Гоббер, верный друг, пытался его разговорить, но безуспешно. Беспокойство за вождя овладевало нами. — К лучшему, что Иккинг уехал, — говорили некоторые. Но Стоик оставался замкнутым, погруженным в свои думы. Подросткам Иккинг был безразличен. — Предатель! Заслуживает позора! — кричал Сморчок, не скрывая своей ненависти. Близнецы, молчаливые и мрачные, отказывались даже упоминать его имя. Фишлегс был растерян, не понимая, что произошло. Потрошитель, обучивший Иккинга драконьим приемам, стал таким же предателем в глазах жителей Берка. — Они больше не наши, — говорили они, словно пытаясь стереть из памяти все, что было связано с Иккингом. Но я не могла забыть. Потрошитель рассказал мне все, и я не могла не думать: а что, если бы мы были добрее к Иккингу? — Это наша вина, что он совершал ошибки, сжег несколько зданий, причинил столько вреда деревне и сделал набеги драконов еще хуже, — думала я, с горечью осознавая, что его уход был не только избавлением, но и началом новых испытаний. Мы все чувствовали пустоту, не понимая, чего нам не хватает. Только я знала, что это был Иккинг. — Забыть его имя, — казалось, говорили все. Прошел месяц с того дня, когда все изменилось. Набеги драконов продолжались, но я стала лучшей в обучении драконоборчеству. Я убила дракона, не на ринге, а во время рейда. — Первый подросток, убивший дракона! — хвалили меня. Жизнь в Берке была налажена, но сегодня все было иначе. — Что-то грядет, — чувствовала я. — И это не будет хорошо. ***Месяц прошел с тех пор, как мы прибыли в Шаркслейн. — Она большая и опасная, — шептались жители, глядя на Шепчущую Смерть, но Риппер и Хизер успокоили их, угощая дракона рыбой. — Блейдвинг, — назвал Риппер дракона, и тот, словно понимая, кивнул. Он следовал за Риппером, своим первым другом, но Хизер тоже стала ему близка. Беззубик и Блейдвинг подружились, ведь они были единственными драконами на многие мили. — Она тайком сбежала, чтобы присоединиться к нам, — вздыхал вождь, ругая свою дочь за непослушание. Она получила неделю уборки конюшни, но Риппер, всегда готовый прийти на помощь, облегчил ей задачу. — Они встречаются, — шептались жители, наблюдая, как Риппер и Хизер гуляют в лесу, а Блейдвинг следует за ними. — Защитный инстинкт, — записал Фишлегс в свою Книгу драконов. Прошел месяц с тех пор, как мы покинули Берк. — Я рад, — думал я, — за исключением одной части меня… — Астрид, — шептал я, невольно вспоминая ее грустные глаза. Риппер рассказал ей обо всем, о моих страданиях, о моих чувствах. — Она выбежала со слезами на глазах, — говорил он. Астрид плачет? Из-за Иккинга Бесполезного? — Она должна была бы плакать из-за того, как плохо со мной обращались… — думал я. Я оставил прошлое позади, но не мог забыть Астрид. — Я принял свою новую жизнь здесь, в Шаркслейн, — говорил я себе, пытаясь отбросить ненужные мысли. Трерут, пылая благодарностью за оказанную нами помощь, спросил, не желаем ли мы получить что-нибудь взамен. — У вас в деревне есть кузница? — поинтересовался я. — Кузнец

жил на окраине, в своей мастерской, — ответил он. — Но он умер несколько месяцев назад, без семьи, и кузница пустует. Я, вспоминая былые времена, когда был подмастерьем у себя на родине, предложил: — Возможно, я смогу взять ее в управление. Трерут обрадовался перспективе появления в деревне нового кузнеца и, вручив нам ключи от мастерской, пожелал удачи. Вскоре мы с Риппером, нагруженные всем необходимым, отправились к месту назначения, наши драконы несли за нами груз. — Вау! — выдохнул я, увидев здание. Старое, с гниющими досками, местами провалившимися и потрескавшимися. Но внутри оказалось куда лучше. Необходимо было лишь стряхнуть пыль и немного привести в порядок внешний вид. Неделя упорной работы, и здание преобразилось. Свежий фасад, новая плавильня, камин, верстаки, точильный камень — все сияло новизной, словно кузница только что родилась. Жизнь казалась прекрасной… Но я знал, что все когда-нибудь изменится.

http://tl.rulate.ru/book/92972/3056559